Борис Романов

Предсказания в жизни Николая II. 1891-1906

Часть 1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор выстроил все предсказания, полученные Николаем II на протяжении жизни в хронологическом порядке – и открылась удивительная картина, позволяющая совершенно по-новому взглянуть на его жизнь, судьбу и на историю его царствования. Он знал свою судь д своей гибели (и гибели своей семьи). Он пытался переломить решительным образом судьбу в марте 1905 года, но не смог. Впрочем, он действовали по девизу: делай что должно и будь что будет. Впервые эти материалы были опубликованы мной в 2006 г.

- Император, который знал свою судьбу
  -
  - Глава 1. Первые предсказания.
  - Глава 2. Первое послание из прошлого: пророчества монаха Авеля.
  - Глава 3. В поисках небесного покровителя.
  - Глава 4. Второе послание из прошлого: 1903 год. Серафим Саровский.
  - Глава 5. 1905 год, январь.
  - Глава 6. Попытка переломить судьбу: 1905 год, март.
  - Литература

Император, который знал свою судьбу

В России XIX века «царем-мистиком» называли Александра I, но именно на царствование Николая II пришлись те главные мистические откровения и пророчества о его царствовании и о дальнейшей трагической судьбе России, которые были сделаны на протяжении XIX века сначала монахом Авелем, а затем Серафимом Саровским. С апреля 1891 года по июль 1903 года Николай II получил несколько посланий, предвещавших различные события его царствования и трагическую судьбу Царской семьи и России после 1917 года.

Можно сказать, что предсказания и пророчества были получены от представителей всех религий мира. Сначала весть пришла с Дальнего Востока, от буддиста отшельника Теракуто; затем с Запада, от потомка друидов (кельтов) ирландца Луиса Хамона; затем через монаха-расстригу Авеля, затем от Серафима Саровского и от других православных старцев; затем от Григория Распутина, которого можно назвать также и «последним волхвом» России; затем через загадочных «зеленых» буддистов с Тибета. В августе 1916 года он и Россия получили настоящее «знамение свыше» от всех так называемых аврамических религий (иудаизм, христианство, ислам), когда русские летчики нашли на горе Арарат легендарный Ноев ковчег. Наконец, уже в ссылке в Тобольске, в октябре 1917, Николай II узнал об откровении Богородицы о будущей судьбе России, которое было дано на западной оконечности Европы трем португальским детям (маленьким, но искренним и твердым в вере католикам) в селении Фатима. Обо всем этом мы расскажем в этой книге.

Подчеркнем сразу, что сам Николай II никогда не искал встреч с предсказателями и не был склонен к мистике – предсказания настигали его помимо его желания и независимо от него. Однако, возможно, он был единственным в истории императором, который знал свою судьбу и знал год собственной гибели и гибели своей семьи. На протяжении царствования он много раз пытался преодолеть, переломить судьбу, и особенно решительным образом в марте 1905 года, но не смог. Вся вторая половина его царствования (после марта 1905 года) прошла под невидимым никому, кроме Александры Федоровны, знаком покорности судьбе. Впрочем, они действовали согласно девизу: «Делай что должно, и будь что будет». Именно этим мистическим

знанием, а не «слабостью», объясняются многие факты царствования Николая II и жизни Царской семьи.

Глава 1. Первые предсказания.

Японский отшельник Теракуто.

В 1890–1891 годах наследник престола Николай Александрович совершал путешествие на Восток. Египет, Индия, Цейлон, Индонезия, Сиам, Китай. В апреле 1891 года в Японии, во время посещения кладбища русских моряков под Нагасаки старый японец, хранитель кладбища, сказал Цесаревичу:

«Высокий гость собирается посетить нашу древнюю столицу Киото, а близ Киото обитает известный отшельник – монах Теракуто. Это подвижник, взору которого открыты судьбы людей. Однако для него не существует понятия времени, и он указывает только признаки сроков».

Посещение Киото входило в планы визита в Японию.

28 апреля Николай, в штатском платье, сопровождаемый греческим принцем Георгом и переводчиком маркизом Ито, пешком отправился в пригородную рощу, где жил Теракуто [10].

Вот что в своих воспоминаниях написал о пророчестве Теракуто маркиз Ито:

«Так суждено свыше! Все народы хвалят одного и того же Единого Бога Творца, только на разных языках. Благословенна милость Неба за счастье, о котором не мог помыслить старый Теракуто. О, Ты, Избранник Небес, о, великий искупитель, мне ли прозреть тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех на земле. Нет ни лукавства, ни лести в устах моих.

И вот первое знамение: опасность витает над Твоей главой, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча… и трость засияет блеском.

И вот другое знамение: два венца суждены Тебе, Царевич: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне Твоей, Владыка могущественной Державы, но слава мира преходит и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки. Наследие предков зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим. Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца. Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блажен, кто положит за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой.

А станет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение. И друзья и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся. Вижу огненные языки над главой Твоей и Семьей Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты огненной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который пришел Ты к старому Теракуто». [10]

Спустя несколько дней произошло покушение на жизнь Наследника. Фанатик-японец ударил его самурайским мечом по голове. Впрочем, процитируем далее по дневнику самого Николая, который он вел ежедневно, начиная с 1 января 1882 года и закончил за три дня до гибели, 30 июня (13 июля по новому стилю) 1918 года. Итак, запись от 29 апреля 1891 года [25]:

«29 апреля. Проснулся чудесным днем, конец которого мне не видать, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога. Из Киото отправились в джен-рикшах в небольшой город Отсу… В Отсу поехали в дом маленького, кругленького губернатора. У него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь. Тут Джорджи и купил свою бамбуковую палку, сослужившую через час мне такую великую службу. После завтрака собрались в обратный путь, Джорджи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера.

Выехали в джен-рикшах и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы, над ухом. Повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках. Я только крикнул: «Что, что тебе?»… И выпрыгнул через джен-рикшу на мостовую. Увидев, что урод направляется ко мне и что никто не останавливает его, я бросился бежать по улице, придерживая рукой кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны… Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джорджи, бежавшего за преследовавшим меня полицейским…

Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено. Джорджи – мой спаситель, одним ударом своей палки повалил

мерзавца и, когда я подходил к нему, наши джен-рикши и несколько полицейских тащили того за ноги. Один из них хватил его же саблей по шее. Чего я не мог понять – каким путем Джорджи, я и тот фанатик остались одни, посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне…

Из свиты, очевидно, никто не мог помочь, т. к. они ехали длинной вереницей, даже принц Ари Сугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне пришлось всех успокаивать и подольше оставаться на ногах. Рамбах (доктор) сделал первую перевязку и, главное, – остановил кровь. Народ на улицах меня тронул: большинство становилось на колени и поднимало руки в знак сожаления. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих папа и мама, и как написать им об этом случае». [25]

Итак, принц Георг отбил удар бамбуковой тростью. Позже по повелению Александра III трость, сыгравшая такую роль, была осыпана алмазами и возвращена принцу. Как и предсказал Теракуто, «трость оказалась сильнее меча, и трость засияла».

Записи современников тех событий в Японии говорят, что после посещения отшельника Наследник был задумчив и грустен. Но ему было тогда всего лишь 23 года, и вряд ли это продолжалось долго.

Кстати, потомком того самого Георга, принца Кентского, является сейчас принц Майкл (Михаил) Кентский, по родословию на 5/8 русский из династии Романовых; его мать и бабушка были православными, а его крестником был президент США Франклин Делано Рузвельт [39, 41]. Майкл Кентский – офицер ее Величества Королевы Английской, ее официальный советник и посланник по России, бывший военный разведчик и масон (Великий мастер Великой ложи, объединяющей треть масонов Британии) – ничего этого принц не скрывает [41], как и то, что любит Россию и является ее большим другом: по крайней мере, так считает он сам и знающие его и его благотворительную деятельность в России.

Английский предсказатель Луис Хамон.

В 1896 году, уже будучи российским Императором, Николай II получил второе предсказание из-за рубежа, на этот раз от знаменитого ирландца (и английского графа) Луиса Хамона (Уильям Джордж Уорнер, 1866–1936) [2].

Несколькими годами ранее Луис Хамон, более известный как Хейро (или Кайро, «рука» в переводе с греческого), прославился благодаря потрясающему умению предсказывать будущее. Он

предсказывал судьбы по датам рождения, а также по линиям ладоней, рисунок которых отпечатывался на листах закопченной бумаги. Многие из этих рисунков он позже воспроизвел в своих книгах. Хамон пользовался тайными знаниями древних индийских астрологов и хиромантов: во время своего пребывания в Индии он нашел в одном из древних монастырей древнюю рукопись по хиромантии, написанную на выделанной коже. Эта рукопись исчезла после его смерти.

Кайро обладал особым талантом предсказывать естественную или иную смерть известных людей. В 1891 году на встрече с Эдуардом, принцем Уэльским (позднее королем Англии Эдуардом VII), провидец воспользовался собственной теорией чисел (основанной на точном времени рождения человека), рассказал о многих событиях будущего и вывел точную дату смерти будущего короля: Эдуард VII умер в 1910 году в возрасте 69 лет, как и предсказал Кайро.

21 июля 1894 года он предсказал лорду Китченеру, что тот умрет на воде приблизительно в июне, на 66-м году жизни. Спустя 22 года, 5 июня 1916 года, Китченер погиб в возрасте 66 лет на борту военного корабля «Гэмпшир», подорвавшегося на мине у Оркнейских островов. Он предсказал точную дату убийства короля Италии Умберто I в 1900 году и смерти английской королевы Виктории в 1901; покушение на шаха Персии, которое готовилось на всемирной выставке в Париже в 1900 году. Кроме этого, он предсказал лорду Бэлфору, что тот станет премьер-министром Англии, Оскару Уальду – позор и тюрьму за семь лет до ареста и суда, Мата Хари – смерть в возрасте 37 лет. Он встречался также со многими другими знаменитостями той эпохи.

Сам Луис Хамон умер в Калифорнии в 1936 году, точно в то время и в том месте, которые он сам себе предсказал.

О многих встречах с «сильными мира сего» Луис Хамон рассказал в своих мемуарах, написанных в 1931 году и изданных в Лондоне и Нью-Йорке [2]. Дословный перевод названия книги по-русски звучит несколько тяжеловесно – «Рок в открытиях созидания всей жизни». Более вольно его можно перевести как «Рок в откровениях судьбы». В предисловии он пишет, что не называет имена некоторых в ту пору здравствующих людей, но что у него есть убедительные доказательства к каждому описанному эпизоду. России и встречам с Царской семьей посвящены две главы из двадцати девяти. Ниже я привожу выдержки из этих глав (в переводе с английского).

<<Встречи с Царем. «Я предсказываю смерть двоим людям»

Несколько раз в печати я упоминал о том, что однажды принц Уэльский (будущий король Эдуард VII) пригласил меня в свою библиотеку во дворце Мальборо и попросил изучить даты рождения нескольких людей, не объясняя мне, кто они.

*Приблизительно год спустя ко мне обратился некий джентльмен и, предъявив мне лист бумаги, на котором я увидел свои записи, попросил меня быть настолько любезным, чтобы объяснить, на основании чего я утверждаю, что, «**кто бы ни был этот человек, дата его рождения показывает, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с ужасами войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но что его судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце концов он потеряет все, что он любил больше всего**».*

Мой посетитель не сказал мне, какое он имеет отношение к этому листу бумаги. Он выслушал мои подробные объяснения по сути этих прогнозов, оплатил консультацию в обычном размере и уехал. Несколько недель спустя одна русская дама рассказала мне, среди прочего, что новый русский Царь недавно обратил внимание на мои предсказания, что я глубоко расстроил его и что невозможно себе представить, чтобы новый правитель России связал свое имя с кровавыми войнами. {Примечание: Видимо, эти встречи имели место в сентябре 1896 года, во время путешествия Николая II и Александры Федоровны в Англию – Б. Р.}

Прошло несколько лет. В 1904 году { Более вероятно, в 1907 году – Б.Р. *} я приехал в Санкт-Петербург по важному делу и снова встретил эту даму. Она была в глубоком трауре по единственному сыну, убитому в Русско-японской войне, и я никогда не забуду, как в конце нашей встречи она сказала: «Но не будет другой войны, в которой Россия будет участвовать, по крайней мере, пока жив наш император».*

Несколько дней спустя, в том же Санкт-Петербурге, меня попросили сделать прогнозы для одного из самых видных российских министров, господина Извольского, близкого друга Царя

{Примечание: В 1903–1906 годах А. П. Извольский был российским послом в Копенгагене, хотя, конечно, часто бывал в столице и общался с Царем. Министром иностранных дел он стал в 1906 году. Напомним, что Луис Хамон писал эти воспоминания в 1931 году, так что некоторые его неточности можно объяснить большим сроком давности минувших событий. – Б. Р.}.

В прогнозе для него на следующие десять лет я написал: “В течение 1914–1917 Вы будете играть важную роль в связи с другой

российской войной, наиболее ужасной из тех, в которых Россия когда-либо участвовала. Но я не думаю, что Вы увидите конец этих ужасных событий. Вы потеряете все в этой будущей войне и умрете в бедности".

Неделю спустя Извольский пригласил меня в летний дворец Царя в Петергофе. Мы ехали на автомобиле через замечательные парки и каскады фонтанов с золотыми шарами. <…> На подъезде ко дворцу мой новый друг, министр, сказал: «Хочу сообщить, что вы будете обедать с Царем сегодня вечером. Я не знаю, будет ли присутствовать Царица, но если она будет там, я хочу, чтобы вы избегали темы оккультизма. Очень вероятно, она может спросить вас об этом, – поскольку я выслал ей все ваши книги еще из Лондона, – но помните, я постараюсь сменить тему разговора настолько быстро, насколько это возможно, чтобы не говорить ей о предсказаниях, о страхе будущего, или о чем-нибудь в этом роде. У Царя отношение совсем иное. Я сказал ему о мрачных предсказаниях, которые вы сделали мне; он попросил меня пригласить вас сюда, и после обеда, он, вероятно, пригласит вас для частной беседы». <…>

В этот момент автомобиль остановился у входа во дворец, и офицер Императорской гвардии встретил нас. Мы прошли через несколько длинных коридоров в красивый зал, который напоминал библиотеку. Сначала я думал, что мы были в нем одни, но нет. В мягком кресле перед окном сидел Царь. Он выглядел как обычный английский джентльмен, и читал при этом лондонскую "Times".

Я остановился, будто прирос к полу. Я не мог ошибиться – передо мной был тот самый джентльмен, который посетил меня для консультации в Лондоне несколькими годами ранее! Он протянул мне руку для пожатия. Я поклонился, но он все равно пожал мою руку… Часы ударили восемь, дверь открылась и объявили обед.

В тот момент вошла Царица. Она просто поклонилась министру (Извольскому), потом мне, и обед начался. Это был частный (неофициальный) обед, без церемонии. Ее Величество была одета в своего рода полувечернее платье, но на ней не было драгоценностей, кроме одного великолепного бриллианта в ожерелье на шее. На столе не стояло ничего экстраординарного, но закуски были бесчисленны, осетр превосходен; все остальное походило на то, что можно было бы ожидать в доме любого российского джентльмена.

Мне не пришлось уходить от вопросов об оккультизме от Ее Величества. Она редко говорила; фактически она, казалось, не замечала меня. Она выглядела очень расстроенной, несколько раз говорила Царю об Алексисе и тотчас по окончании обеда

величественно поклонилась нам и покинула зал.

После кофе и сигарет Его Величество сказал несколько фраз по-русски министру. Это был единственный раз за весь вечер, когда я услышал русский язык; беседа шла на английском и французском, главным образом по-английски.

Когда мы оставили гостиную, Его Превосходительство (Извольский) шепнул мне: «Идите с Его Величеством, я присоединюсь к Вам позже».

Я сделал то, что было сказано и скоро оказался в полутемном помещении неясных очертаний, наедине с Царем, и увидел на столе тот самый лист бумаги с моим собственным письмом и числами, которые я кратко записал в библиотеке короля Эдварда и который я видел затем еще раз в моем кабинете в Лондоне в руках джентльмена – человека, теперь сидящего напротив меня!

Царь заметил мое удивление. Он пододвинул через стол, за который мы сели, очень большую коробку сигарет – ящик выглядел сделанным из твердого золота и был украшен имперскими гербами России из драгоценных камней – и сказал медленно и выразительно: «Я показывал Вам это однажды прежде, Кайро. Вы помните?»

У меня перехватило дыхание от удивления. Да, я действительно помнил. И я знал, что слова на этом листе бумаги были ужасные, слова надвигающейся судьбы.

«Читайте!», – скомандовал Царь. Я повиновался:

«Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, числа и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит».

«Вы узнаете ваше письмо?», – спросил он.

«Да, Ваше Величество, – ответил я, – но могу я спросить, как эта бумага попала к Вам?»

«Король Эдуард дал это мне, и Вы подтвердили то, что там написано, когда я обратился к Вам несколько лет назад, хотя Вы, конечно, не знали, кем был ваш посетитель в Лондоне. Ваши письменные предсказания Извольскому снова подтверждают то, что написано на этом листе бумаги. Я хочу, чтобы сегодня вечером Вы определили судьбу еще двух жизней».

Я дал Царю слово чести, что никому не расскажу, о чем затем мы говорили тем вечером в летнем дворце Петергофа. Могу

сказать только одно: ***он знал, что он был обреченным монархом.*** *По его просьбе и на его глазах я разобрал диаграммы двух других жизней. И показал ему ту же самую вещь: что «1917 будет отмечен темными и зловещими влияниями, которые указывают конец». Я был поражен тем спокойствием, с которым он выслушал мои заключения. Он самым простым образом сказал мне:*

«Кайро, беседа с Вами дала мне самое глубокое удовольствие. Я восхищаюсь методами и способом, которым Вы достигаете свои умозаключения».

Царь поднялся, мы вышли на террасу и присоединились к Извольскому. Внизу в летнем море видна была императорская яхта, похожая отсюда на красивую игрушку; рядом со мной стоял Его Императорское величество, Царь всея Руси, Помазанный Глава Церкви и Отец своего народа. Но уже тогда были видны признаки того, что не все было ладно с сердцем России… <…>>

Продолжаю цитировать мемуары Луиса Хамона [2]:

<<…Однажды в моей петербургской гостинице появился один из тех странствующих монахов, которых так часто можно встретить в России. Этот человек был близким другом монаха Илиодора, который вместе с епископом Гермогеном имел большую власть во всех духовных вопросах. Пришедший ко мне монах был культурный и кроткий мистик, глубоко изучавший тайные знания. В течение некоторого времени он имел какое-то влияние на Царя. Он рассказал мне, что глубоко изучал Каббалу, нумерологию (систему числовых предсказаний) и астрологию.

{Примечание: Вероятно, это было в январе 1908 года; в 1903–1906 годах П. А. Столыпин был губернатором Саратовской губернии, но часто бывал в столице. – Б. Р.*}*

Монах приходил несколько раз, чтобы говорить со мной, и однажды он привел с собой злополучного Столыпина. Большой государственный деятель с черной бородой, который пытался править Россией железной рукой, в начале нашего разговора выказывал показное безразличие, когда я предложил исследовать его руки. Однако он заинтересовался, когда я показал ему прерванную линию жизни, которая была ясно видна на его правой руке. Я предвидел насильственную смерть. Он посмеялся над моими опасениями и сказал мне, что его охраняют день и ночь агенты Тайной полиции… Ирония истории в том, что он был застрелен из-за предательства людей из той самой Охранки…

Однажды монах снова пришел ко мне.

«Кайро, – сказал он, – я хочу привести к Вам моего коллегу, который, кажется, имеет экстраординарные тайные знания и полномочия. По собственным резонам я хотел бы, чтобы Вы

прочитали линии его руки, даже если он будет изображать из себя скептика».

*Несколько позже, тем же днем {*В январе 1908 года – Б.Р*} монах-мистик открыл дверь моей гостиной; позади него шел человек, одетый как своего рода деревенский монах, наподобие стародавних странствующих монахов в Англии. Он имел крупные грубые черты лица, сверкающие глаза, подвижные губы, полные и красные. Большая коричневая борода, частично рыжеватая, и голова была почти закрыта массой спутанных неопрятных волос. На его лбу была как будто темная заплата, подобно шраму от старой раны. Его голос был глубок, авторитетен и звучен.*

Он сказал несколько слов на очень плохом французском языке, и затем быстро заговорил по-русски. Его спутник перевел кое-что в том смысле, что он не верит в чтение руки, но верит в Судьбу.

Так я познакомился с Григорием Распутиным… Он был одет в тяжелую коричневую рясу; вокруг талии был повязан пояс, про который монах сказал мне, что Распутин принес его со святой горы Афон. <…>

После некоторых колебаний Распутин позволил мне исследовать его руки. Они были толстыми, грубыми и очень грязными; линии на них были хорошо видны. Линия судьбы показала необычные превратности, линия жизни зловеще обрывалась на полпути вниз к запястью. В то время как я смотрел, он внезапно взревел:

«Я знаю будущее, Вы – нет; мое будущее должно искупить Людей и спасти Императора от самого себя».

Я не знал, что ответить на это высокомерное заявление, но сказал спокойно:

«Вы беспокоитесь о том, что я могу рассказать вам что-нибудь о вашем будущем?»

Он презрительно улыбнулся:

«Я буду смеяться над тем, каково это будущее. Я предназначен быть Спасителем России. Судьба находится в моем распоряжении. Я – творец своей Судьбы».

На мгновение я засомневался, не безумец ли он. В силу моих занятий я несколько раз встречался с сумасшедшими; но глаза Распутина были достаточно ясны. Кроме того, я ведь находился в святой России, где можно встретить все типы мистических существ. Но я должен был признать: то, что я видел на его руке, трудно было сформулировать простым языком.

«Ваше будущее, – начал я, – это будущее, которое заполнено чудесами. Вы поднялись от самых низов, чтобы соприкоснуться с самым высоким; уйдя от крайней бедности, Вы будете управлять богатством; Вы предназначены властвовать над другими – но это

будет власть для зла. Вы хотите услышать больше?»

В то время как я говорил, он слушал внимательно.

«Да! Да! – сказал он с нетерпением, но затем, поправляясь, он добавил с важностью:

– Но, конечно, я знал все это прежде, я – пророк, и больший чем вы. Я знаю обо всем».

«Но что вы можете сказать о будущем?» – спросил монах, который слушал с чрезвычайным вниманием.

Я некоторое время молчал. Смею ли я рассказывать об ужасном видении крови, которое меня посетило? Изучив руки этого хвастливого человека, я, казалось, видел, как он будет выскальзывать из кабинета Императора, со злой улыбкой на темном лице… Как он будет выслушивать самые интимные признания Императрицы, почтительно склонившей перед ним колени и почитавшей его как святого отца…

«Хорошо, что будет дальше, провидец?» – спросил Распутин.

«Я предвижу для вас насильственный конец в каком-то дворце. Вам будут грозить яд, нож, и также пуля. Наконец, я вижу ледяные воды Невы, смыкающиеся над вашей головой».

В течение нескольких секунд стояла гробовая тишина. Очевидно, мои слова произвели на него впечатление, потому что перед этим я схематически рассказал ему о его прежней домашней жизни: как он женился на женщине гораздо более обеспеченной, что он имел двух дочерей и одного сына, и что последний повернется против него (так и произошло вскоре после того, как я предсказал это). Кроме того, я сказал ему, что он изменил своей жене и соединился с женщиной, которая принесет большой вред. В этом месте он хитро улыбнулся и произнес известную формулу, которая впоследствии стала лозунгом его секты:

«Частица божественных сил воплощена во мне. Только через меня могут они надеяться найти спасение. Путь их спасения – объединиться со мной телом и душой! Добродетель и сила, которые выходят из меня, разрушают грех».

Произнося эти поразительные слова, он выпрямился в полный рост, скрестил руки на широкой груди, и его огромные глаза, казалось, наполнились почти сверхъестественным огнем. Когда я закончил описывать ужасную картину, которая сформировалась в моем мозгу, наши глаза встретились. Его проникающий взгляд хотел вселить ужас в мою душу. Однако по некоторым причинам, которые я не могу объяснить, я не чувствовал абсолютно никакого страха и без содрогания выдержал его пристальный взгляд. Монах, стоявший позади меня, встал между нами и поднял большой серебряный крест, который всегда был при нем. Наверное, он убоялся, что может случиться трагедия, и хотел защитить меня.

Крест прервал страшную паузу. Распутин обрушил на меня поток слов, которые я не мог понять. Его компаньон быстро перевел их:

«Кто вы такой, чтобы предсказать конец Распутину? Распутин никогда не умрет от ножа, или пули, или яда, это не может вредить ему. Я – спаситель моих Людей. Я – защитник Царя. Я больше чем Царь». С этими словами он оставил комнату, и монах, совершавший крестное знамение, выскочил после него. > >

***

Добавим к рассказу Луиса Хамона следующее.

Как упоминает он сам [2, p. 61], одна из английских газет в конце 1920-х писала, что Николай II в 1898 году выдвинул свои знаменитые мирные инициативы по всеобщему разоружению на Гаагской мирной конференции именно под влиянием предсказаний Кайро о том, что история свяжет имя нового русского царя с кровавыми войнами, дошедших до сведения Николая II осенью 1896 года. Таким образом, можно сказать, что он пытался «переломить судьбу» уже тогда, в первые годы своего правления.

Напомню, что в августе 1898 года Россия разослала правительствам государств всего мира ноту о недопустимости дальнейшей гонки вооружений и разрушительном воздействии этой гонки на экономическое, финансовое и моральное состояние общества, цивилизации в целом. Россия предлагала созвать международную конференцию по этой проблеме. Тогда, в 1898 году, никто не знал о сделанных Кайро предсказаниях, и выдвигались самые различные предположения о причинах, подтолкнувших русского Царя к столь необычной, даже беспрецедентной в истории международных отношений инициативе.

На самом деле, вероятно, не только мрачные предсказания Кайро сыграли свою роль.

Еще дед Николая, Александр II прилагал усилия против гонки вооружений. В 1868 году в Санкт-Петербурге по его предложению была собрана конференция европейских дипломатов, и на ней подписана конвенция о «правилах войны» – о запрещении применения разрывных и зажигательных пуль, а в 1874 году Россия выступила инициатором международной конференции по кодификации «правил войны» в сухопутных сражениях. Внук продолжил международную миротворческую миссию деда.

Кроме того, к 1898 году был опубликован шеститомный труд российского миллионера, железнодорожного и финансового магната Ивана Станиславовича Блиоха, который убедительно, с

привлечением множества фактов и доводов, привел статистику возможных человеческих жертв и экономических потерь от будущих войн. Известно, что Блиох был принят Николаем II и изложил ему доводы в необходимости призыва к всемирному разоружению [16]. Невероятное для того времени предложение русского царя удивило Европу. Некоторые политики приветствовали его и утверждали, что Царь войдет в историю как Николай Миротворец. Однако были и весьма нелестные отзывы, в том числе принца Уэльского и кайзера Вильгельма. Последний телеграфировал своему кузену Николаю II: «Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеянные вековой историей, и предающего свой народ анархии и демократии».

Однако настойчивость Государя и активность российских дипломатов принесли свои плоды. В конечном счете, большинство государств поддержали инициативу России, и мирная конференция была созвана в Гааге в мае 1899 года. В ней участвовали представители двадцати крупнейших европейских держав, а также США, Мексики, Японии, Китая, Персии и Сиама. Был принят ряд постановлений («Гаагская конвенция») с целью «положить предел непрерывным вооружениям». В частности, были приняты декларации о запрещении бомбардировок населенных мест с воздуха (с воздушных шаров, самолетов еще не существовало) и о запрещении применения отравляющих газов и разрывных пуль. Решено было учредить в Гааге международный суд для мирного разрешения международных споров и конфликтов (Гаагский трибунал). Не все знают, что Николай II, а также экономист И. С. Блиох и дипломат Ф. Ф. Мартенс, принимавшие от России активнейшее участие в подготовке и работе первой Гаагской конференции, были номинированы на Нобелевскую премию.

В 1907 году конференция была вновь созвана по инициативе России. На этот раз в ней приняли участие более 250 официальных представителей из 44 стран (приехали даже представители стран Латинской Америки). Принятые на двух Гаагских мирных конференциях конвенции и декларации оказались весьма жизнеспособными и позднее, после Первой и Второй мировых войн, вошли в уставы Лиги Наций и ООН. Можно сказать, что Николай II стоял у этих истоков…

Сам Государь в течение своего правления несколько раз передавал спорные международные вопросы (с участием России) на рассмотрение в Международный суд в Гааге. В 1914 году, накануне Первой мировой войны, он просил кайзера Вильгельма помочь ему передать спор между Австрией и Сербией на рассмотрение этого суда. Но Вильгельм не ответил на эту

телеграмму Государя (мы расскажем об этом подробнее в третьей части книги).

Однако мрачные предсказания Кайро, о которых Николай II впервые узнал в 1896 году, были точны. В том числе и в том, что «война будет неизбежна, несмотря на все усилия этого человека для ее предотвращения».

Глава 2. Первое послание из прошлого: пророчества монаха Авеля.

Первое послание из прошлого, подтверждавшее пророчество Теракуто и предсказания Луиса Хамона и развертывавшее более детальную картину, Николай II и Александра получили в апреле 1901 года.

Речь идет о пророчестве монаха Авеля [10, 11, 23, 24].

Подобные провидцы, глубокие и сильные личности, которым открываются свыше судьбы не только отдельных людей, но и стран, рождаются раз или два в столетие.

Василий Васильев (18.03.1757 – 29.11.1841), будущий Авель, родился в семье деревенского кузнеца. Против воли родителей постригся в монахи и до 1796 года почти никому не был известен.

17 марта 1796 года Министерством юстиции Российской империи было заведено «Дело о крестьянине вотчины Л. А. Нарышкина именем Василий Васильев, находившемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, а потом назвавшегося Авелем, и о сочиненной им книге на 67 листах». Речь шла о книге пророчеств, написанной им в Бабаевском монастыре в конце февраля 1796 года, в которой говорилось и о царствующей императрице Екатерине II, – что жить ей осталось восемь месяцев и что умрет она скоропостижно. Авель-Адам показал свои записи настоятелю монастыря и сразу был направлен к епископу Костромскому и Галицкому Павлу, которому рассказал, что книгу он сочинил из видения. Оно было ему в марте 1787 года на заутрене в церкви на Валааме, когда он (по его собственным словам) «равно как бы апостол Павел восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал, и что два ангела дали ему дар прорицания и велели сообщать" избранным", что им предстоит…». Он рассказал также, что ему было еще одно «дивное видение и предивное» с полуночи 1 ноября 1787 года, которое продолжалось «как не меньше тридесяти часов». Его он также записал.

Знал ли скромный монах об указе от 19 октября 1762 года, предписывавшем за подобные писания расстриг из монахов и заключение под стражу, неизвестно, но с ним поступили по закону и, поскольку дело касалось императорской фамилии, Авеля-Адама под караулом отправили в Санкт-Петербург. На допросах в Тайной экспедиции он признался, что девять лет мучался совестью, чтобы «об оном гласе сказать Ея Величеству»,

и, наконец, в Бабаевском монастыре в течение десяти дней все же записал свои видения.

Дело было доложено генерал-прокурору графу Самойлову. Он беседовал с Авелем-Адамом «на высоких тонах», потом решил, что перед ним юродивый, но все же доложил о нем государыне. Услышав год и день своей смерти, Екатерина Великая тотчас издала указ о заключении Авеля в Шлиссельбургскую крепость «под крепчайший караул». В указе отмечалось, что «за сие дерзновение и буйственность» он заслуживает смертной казни, но известная своим великодушием императрица «облегчила строгость законных предписаний». Не были уничтожены и его записи: «А вышесказанные писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора и хранить в Тайной экспедиции».

Императрица скоропостижно скончалась 6 ноября 1796 года, – в день, указанный в бумагах бывшего монаха. На престол взошел Павел Петрович. Сменился генерал-прокурор, им стал князь Куракин. Разбирая секретные дела последнего года, он нашел среди них дело и книги Авеля, – и был поражен точностью предсказания.

12 декабря 1796 года прорицатель был затребован из заключения в столицу; 13 декабря его книга была поднесена Его Величеству Павлу I. 14 декабря 1796 года состоялась их встреча. Возможно, Павел I на протяжении последующих трех с половиной лет несколько раз общался с Авелем (учитывая склонность императора к мистике, это очень вероятно) вплоть до весны 1800 года, когда Авель в новой книге написал о дне смерти своего покровителя.

Поскольку Павел I, а затем и Александр I обязали Авеля молчать о своих пророчествах, то он в своих записках «Житие и страдание отца и монаха Авеля», написанных примерно через 30 лет после этих событий, вспоминал о той беседе очень кратко (Авель писал о себе в третьем лице) [23, 24]:

«Император Павел принял отца Авеля во свою комнату, принял его со страхом и с радостию, и рече к нему: “Владыко отче, благослови меня и весь дом мой: дабы ваше благословение было нам во благо”. Отец же Авель на то отвеща к нему: “Благословен Господь Бог всегда и вовеки веков”. И спросил у него царь, что он желает: в монастырь ли быть монахом, или избери род жизни какую другую. Он же паки к нему отвещал и глагола: “Ваше величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, и служить Богу и Божеству его”. Государь же Павел поговорил с ним еще что нужно и спросил у него по секрету: что ему случится; потом тому ж князю Куракину приказал отвесть Авеля в Невский монастырь, в число братства».

Далее в тех же записках Авель рассказывает, что через год он с разрешения Государя вновь ушел на Валаам и там «составил новую книгу, подобно первой, еще и важнее». Книга по инстанциям вновь дошла до Павла I. Судя по всему, в этой книге была указана дата смерти Павла Петровича, т. к. последовал императорский указ о заключении Авеля в Петропавловскую крепость. 26 мая 1800 года он был заключен в Алексеевский равелин крепости.

Павел I был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Видимо, Авель вновь точно указал дату смерти, т. к. воцарившийся Александр I, которому доложили о пророчествах и книгах Авеля, тотчас освободил его и предписал отправиться в Соловецкий монастырь без права покидать его.

Там в 1802 году Авель пишет третью книгу, в которой предсказывает, что в 1812 году Москва будет взята французами и сожжена – за 10 лет до этих событий! Книга дошла до императора. Указ гласил: *«Посадить в соловецкую тюрьму, пока не сбудутся его предсказания».* На этот раз Авелю пришлось провести в неволе, да еще и в кандалах, 10 лет и девять месяцев.

Кутузов оставил Москву (вопреки воле Александра I) 14 сентября 1812 года. Наполеон вошел в Москву. Тотчас из столицы в Соловки последовал императорский указ об Авеле: «Монаха Авеля выключить из числа колодников и включить в число монахов на всю полную свободу. Ежели жив-здоров, то езжал бы к нам в Петербург, мы желаем его видеть и нечто с ним поговорить».

Письмо пришло на Соловки 1 октября 1812 года. Из-за козней местного соловецкого начальства, боявшегося, что Авель расскажет императору о злоупотреблениях, его освободили не сразу, отписали в столицу, что он болен. Тогда император послал указ Синоду, чтобы Авеля освободить, дать ему паспорт и все необходимое для прибытия в столицу. 1 июня 1813 года Авель вышел из тюрьмы и вскоре был в столице. Император в это время был за границей, и Авеля с почетом принял его помощник, большой любитель мистики и один из главных русских масонов князь Александр Николаевич Голицын.

Об этой беседе Авель в своих записках сообщил следующее:

«Князь же Голицын, видя отца Авеля, и рад бысть ему до зела; и нача вопрошать его о судьбах Божиих и о правле Его; отец же Авель начал ему сказывать вся и обо всем, от конца веков и до конца, и от начала времен и до последних; он же слыша сия и ужасеся и помысли в сердце другое; потом послал его к митрополиту явиться ему и благословиться от него».

После этих событий Авель много путешествовал, побывал на

Афоне, в Константинополе, Иерусалиме. Пророчествовать ему было запрещено «имянным указом государевым». В 1820 году он возвратился в Россию, в Москву.

С 1823 года жил в монастыре под Серпуховом. Примерно на 1823 годе записки самого Авеля («Житие и страдание…») заканчиваются. Кроме «автобиографии», Авель написал еще и загадочную «Книгу Бытия», в которой говорится о сотворении земли, человека и о конце света, который он пророчил на середину XXIII века.

Около 1824 года по Москве пошли слухи о новом предсказании Авеля – о будущей смерти Александра I, восшествии на престол Николая Павловича (вместо ожидаемого по закону о престолонаследии Константина) и о скором бунте в декабре 1825 года. Однако на сей раз указа о заключении его в тюрьму не последовало. Возможно, это косвенно подтверждает версию о том, что Александр I хотел покинуть трон и уйти от светской жизни в тайную монашескую, старческую.

В июне 1826 года Авель ушел из Серпуховского монастыря «неизвестно куда». «И не возвращается», – об этом доложили Николаю I. Последовал указ: беглеца найти и «заточить для смирения» в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, главную церковную тюрьму того времени. Полиция нашла Авеля в родной деревне под Тулой и водворила в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь по повелению императора и указом Священного Синода от 27 августа 1826 года.

О последних 15 годах жизни провидца почти ничего не известно. Он умер после продолжительной и тяжелой болезни в тесной арестантской камере 29 ноября 1841 года и погребен за алтарем арестантской церкви святителя Николая.

Удивительно, но в своих записках Авель предсказал и год собственной смерти: «Жил всего восемьдесят и три года, и четыре месяца». Он прожил 84 года и 8 месяцев…

Итак, начиная с Екатерины Великой, каждый монарх, узнав о дате своей смерти, сажал Авеля в тюрьму, и каждый следующий выпускал его на свободу и беседовал с ним, вплоть до Николая I, который хотя и был человеком верующим, но мало интересовался мистикой – кажется, единственный из всех русских императоров.

Не будем более подробно рассказывать об этом удивительном провидце, т. к. в последние несколько лет его имя и его пророчества стали широко известны в современной России и за рубежом. Отметим только, что по воспоминаниям современников он был человек «простой и угрюмый», и что сам он говорил: «Я говорю только тогда и только то, что мне свыше приказывают».

В конце XIX века слухи и предания об Авеле вновь начали

распространяться в образованных кругах и среди мистиков России. Впервые после смерти и нескольких десятилетий забвения Авеля в царской России образованная публика вновь узнала о нем из публикаций в журналах «Русская старина» (1875) [23] и «Русский архив» (1878) [24]. Его жизни был посвящен доклад журналиста газеты «Ребус» Сербова на Первом всероссийском съезде спиритуалистов, проведенном в 1906 году. Сербов, в частности, сказал: «Долг всякого ищущего истину – наш долг – возвратить народу его Авеля, ибо он составляет его достояние и гордость не меньшую, чем любой гений в какой-либо другой области творчества; или хотя бы его французский собрат, знаменитый Нострадамус…».

Однако только русские императоры в XIX столетии знали о том, что в Гатчинском дворце хранится странный документ, записанный со слов монаха Авеля во время его беседы с императором Павлом I.

В этом дворце была одна небольшая зала, и в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг пьедестала на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ.

Было известно, что в ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, императрицей Марией Федоровной. Она завещала открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол в России.

Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом, жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всех, не исключая и царственных взоров. Это пророческое предсказание было вложено в конверт с наложением личной печати императора Павла I и с его собственноручной надписью: «**Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины».** Все государи российские знали об этом, но никто не дерзнул нарушить волю предка.

В 1900-х гг. при Александре Федоровне на должности обер-камерфрау состояла Мария Федоровна Герингер, внучка генерала Аделунга, воспитателя императора Александра II во время его детских и юношеских лет. По должности ей была известна самая интимная сторона царской семейной жизни. Вот что позднее (спустя много лет) писала она о том дне.

«…Государь и Государыня были очень оживленны и веселы,

собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселы, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в этом ларце, никому ничего не сказали. После этой поездки Государь стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для Династии». [19]

Сто лет согласно завещанию исполнилось 12 марта 1901 года, но в марте хозяйка Гатчинского дворца, вдовствующая императрица, мать Николая, Мария Федоровна находилась в Дании. Она вернулась в Россию в начале апреля. В апреле Государь ездил к матери необычно часто. Наиболее вероятно, что письмо Павла I было вскрыто и прочитано все же не 12 марта, а в первый же апрельский визит по приезде Марии Федоровны. Вероятно, именно 8 апреля Николай II с министром двора и лицами свиты прибыл в Гатчинский дворец и, после панихиды по императоре Павле, вскрыл пакет и узнал свою судьбу.

Что было в этом письме Авеля? В 1902 году по распоряжению Николая II цензура запретила упоминать в печати даже имя монаха (впрочем, вскоре этот запрет был отменен, и в 1906 году об Авеле уже писали в России). После 1917 года за рубежом были опубликованы некоторые воспоминания об этой истории [29]. Текст письма (в виде ответов Авеля на вопросы Павла I) был опубликован в начале 1930-х гг. в Берлине и затем в Харбине [11]. Скорее всего, оригинал письма пропал в Атлантиде исчезнувших в советские времена древних документов.

По свидетельству современного исследователя Юрия Владимировича Росциуса [30], это письмо «всплыло» в начале 1960-х гг., в «хрущевскую оттепель», в Физическом институте АН (ФИАН) СССР. Оно ходило среди сотрудников, ни один из которых, видимо, не представлял истинной ценности пожелтевших бумаг. В конце концов кто-то передал письмо академику Игорю Евгеньевичу Тамму, который мистикой не интересовался. У него это письмо и затерялось или было им уничтожено, скорее всего, случайно, без злого умысла. Когда И. Е. Тамма через несколько лет спросили об этом письме, он ответил, что никогда его не видел.

В последние несколько лет в России беседа Павла I с Авелем была опубликована в нескольких десятках книг и статей. Текст во всех источниках почти один и тот же. Впервые его опубликовал белоэмигрант, бывший русский офицер, ветеран Первой мировой, историк и собиратель древностей Петр Николаевич Шабельский-Борк (1896–1952), который очень интересовался историей

правления Павла I и собрал много раритетных документов того времени. В 1930 году в Берлине под псевдонимом Кирибеевич он издал «историческое сказание" Вещий инок"» [11]. Весь архив Шабельского-Борка пропал в Берлине во время Второй мировой войны. В 1991 году сказание «Вещий инок» было опубликовано в журнале «Земщина» № 28/45; в 1995 – в издании «Житие преподобного Авеля прорицателя» [10].

Мы не будем цитировать здесь весь текст письма-пророчества Авеля. Начнем со строк, где Авель отвечает на вопрос Павла I о том, кто наследует его сыну и когда начнется предреченное им (Авелем) «иго безбожное». Это примерно четвертая часть письма. Заметим еще, что имя Авель Василий Васильев получил позднее (после встречи с Павлом I), а при той встрече император звал его, скорее всего, «Владыко», или «отче», как через 20 лет писал Авель в своих записках. Не будем удивляться тому, что в письме провидец именуется Авелем, ведь оно было написано и запечатано личной печатью Павла позднее, когда пророк принял второе пострижение в монахи с именем Авель, вскоре после беседы с императором. К тому же, судя по его собственным запискам, сам он называл себя Авелем еще с 1796 года. Итак:

– После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

– Внук твой, Александр Второй, царем Освободителем преднареченный. Твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст: а после турок побьет и славян освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, ”охоту“ на него начнут, убьют среди дня ясного в столице верноподданной отщепенскими руками…

– Тогда и начнется тобой реченное «иго безбожное»?

– Нет еще. Царю Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий. Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.

– Кому передаст он наследие Царское?

– Николаю Второму – святому Царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: Псалмы 90, 10 и 20 открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий… Война будет, великая война… По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду

кровью Агнца такожде, мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская.

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

– Кровь и слезы напоят сырую землю. Кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огнь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний власть безбожная, будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от своего Богопомазанника. А то ли еще будет. Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны одна горше другой будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного Царя.

– Ужели сие есть кончина Державы Российский и несть и не будет спасения? – вопросил Павел Петрович.

– Невозможное человекам возможно Богу, – ответствовал Авель. – Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет в изгнании из дома твоего Князь Великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет Избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел, и никто же речет: «Царь здесь или там», но «Это он». Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание… Имя его трикратно суждено в истории Российской. Два Тезоименитых уже были на Престоле, но не на Царском. Он же возсядет на Царский как третий. В нем спасение и счастье Державы Российской. Пути бы иные сызнова были на русское горе.

И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены дворца, Авель нарек самое имя. Страха темной силы ради имя сие да будет сокрыто до времени…

– Велика будет потом Россия, сбросив иго безбожное, – предсказал Авель далее. – Вернется к истокам древней жизни своей, ко временам Равноапостольного,{Владимира Святого} уму-разуму научится беседою кровавою. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и пострадает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков…

– Ты говоришь, что иго безбожное нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю я за благо о том, что ныне ты предрек мне о потомке моем, Николае Втором, предварить его, дабы пред ним

открылась книга судеб. Да ведает правнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего. Запечатлей, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно. Я же на предсказание твое наложу печать и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в Гатчинском дворце моем. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, роде моем и счастье нашей Державы…

И, вложив писание Авелево в конверт, Павел I на оном собственноручно начертать соизволил: ***«Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины».***

***

Император Павел своим указом от 14 декабря 1796 года отпустил провидца в монастырь для нового пострижения в монахи. Представляется логичным, что Павел I завещал вскрыть письмо через сто лет после своей кончины – именно исходя из содержания пророчеств Авеля. Через сто лет новый государь мог легко убедиться в истинности (или ошибочности) предсказаний Авеля до начала своего правления и, исходя из этого, решить – верить или не верить его пророчествам на будущие времена. Кстати, некоторые современные исследователи [30] утверждают: сотрудники ФИАН, читавшие письмо в начале 1960-х годов, говорили ему, что в нем были и предсказания о Первой и Второй мировых войнах, и о том, что в 1945 году «люди овладеют страшным оружием сил природы». На этом предсказания Авеля якобы заканчивались.

Судя по тому, что Николай II поверил пророчествам Авеля о будущем, его пророчества о событиях до 1901 года были абсолютно точны.

Итак, это было третье пророчество после пророчеств японского монаха-отшельника Теракуто и предсказания Луиса Хамона – и первое, пришедшее из прошлого и подтвержденное сбывшимися до 1901 года событиями. По воспоминаниям людей из близкого царского окружения, именно после поездки в Гатчинский дворец Николай II начал говорить о том, что до 1918 года он не боится за свою жизнь и жизнь своей семьи.

Глава 3. В поисках небесного покровителя.

Были ли Николай II и Александра Федоровна мистически настроенными людьми (мистически – в современном смысле слова), которые специально интересовались оккультизмом и предсказаниями? Нет, это не так, хотя на переломе веков интерес к оккультизму, спиритизму и всякого рода мистике был широко распространен в образованных кругах и в высшем свете (и не только в России). Скорее, сама жизнь на олимпийской вершине России и судьба постоянно сталкивали их с таинственными загадками. Николай II точно не был мистиком, а Александра была, но не в современном смысле этого слова, а в гораздо более глубоком, религиозном. Мистические настроения императрицы были обусловлены глубиной ее чувств и переживаний, а не праздным любопытством или только неврастенией.

Царская семья уже в те годы избегала высшего света и его соблазнов. Николай и Александра искренне любили друг друга – редкий и счастливый пример в монархических семьях, и были глубоко верующими православными людьми, воспитанными от рождения (Николай) и принявшими (Александра) православие всей душой. Церковь осуждала спиритизм, мистику и подобные увлечения. Царская семья до начала XX века не искала мистики и пророчеств, мрачные предсказания об их будущем и о будущем России как будто сами настигали их. Однако одна проблема семьи заставила Александру Федоровну принять помощь мистиков, предложенную как раз из высшего света, из круга царских родственников.

К началу XX века в Царской семье родились три дочери. Все ждали наследника. Молитвы не помогали. Через близких ко двору мистически настроенных черногорских принцесс Милицу и Стану около 1901–1902 года в окружении Александры Федоровны появляются французские мистики. Среди них известный оккультист, теософ и член ложи «Золотой Зари» Франции (позднее великий магистр «Восточной ложи») Анри Папюс (1865–1916). Мы не знаем, что именно предсказал Папюс Александре Федоровне, но известно, что втайне от Царской семьи он основал затем в российской столице масонскую ложу – притом, что масонство в России официально запретил еще Александр I в 1822 году. Позднее (после 1905 года) из этой ложи выросло новое русское политическое масонство, которое в 1915 году возглавил А. Керенский и которое охватывало многих членов оппозиции в Государственной Думе (мы расскажем об этом подробнее в

третьей части книги).

Другой мистик, появившийся в окружении Царской семьи на рубеже 1900 года, Филипп Вашон (Назьер Вашоль из Лиона), прославился у себя на родине точными предсказаниями и целительскими способностями. Он был также специалистом по нервным болезням. Черногорские принцессы уверили императрицу, что он не колдун и не маг, а настоящий христианский целитель и провидец. Осенью 1900 года императрица вновь забеременела. Господин Вашон получил степень доктора медицины и чин действительного статского советника. Однако в предсказанный срок, 5 июня 1901 года, в Царской семье родилась четвертая дочь, Анастасия. Француз объявил, что рождение девочки вместо мальчика, которого обещали звезды, доказывает необычность ее будущей судьбы, а двойная линия жизни на ладони – знак защиты и спасения от опасностей. Что же, в этом он оказался прав: легенды о чудесном спасении Анастасии живы до сих пор!

Хотя о Филиппе Вашоне во всех без исключения исторических исследованиях пишут только плохое («жулик и интриган»), тем не менее именно он после своей следующей неудачи (ложной беременности Царицы в 1902 году) посоветовал ей попросить помощи у русского святого, «который вымолит ей у Бога наследника», и, сославшись на мнение Иоанна Кронштадтского, назвал имя этого святого – **Серафим Саровский.** С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» [5] писал о том, что решение о канонизации старца было принято на встрече Филиппа Вашона и Иоанна Кронштадтского с Царской семьей.

Серафим Саровский был объявлен покровителем Царской семьи и в июле 1903 года канонизирован на Саровских торжествах. Серафим Саровский еще при жизни, за 70 лет до этих событий, предсказал свое прославление [31]. Через год после прославления в Царской семье родился наследник.

Филипп Вашон предсказал также свою скорую смерть во Франции (он умер там в 1905 году) и перед изгнанием сказал Александре Федоровне, что скоро его заменит другой. Семья называла его «наш друг» – как позже будет звать Григория Распутина.

Видимо, Филипп Вашон все же обладал необычными способностями, что-то неплохо лечил и что-то верно предсказывал, потому что он оставался при дворе еще в течение года или даже более, – пока русская резидентура (разведка) не нашла во Франции компромат на него лично и, главное, на французских масонов в целом. С другой стороны, изгнанию французских масонов способствовал известный (впрочем, в то

время еще малоизвестный) церковный писатель и глубоко верующий человек Сергей Александрович Нилус, мы еще будем говорить о нем. Его жена была знакома с императрицей.

Поскольку мы в этой части книги почти не рассматриваем политические аспекты истории России начала XX века, то и тему «масонского влияния», или «масонского заговора» против России здесь затрагивать не будем. Это, конечно, не значит, что такого влияния и такого заговора не было. Кратко отметим, что после 1905 года Николай II пытался предпринять меры для расследования деятельности масонов в России. В 1908 году в Париж был направлен коллежский асессор Алексеев, чтобы выяснить связи русских парламентариев из Государственной Думы с масонами. Э. Радзинский в своей книге [25, с. 98–99] пишет, что Алексееву даже удалось завербовать некоторых французских масонов, но что в конечном счете «толку он не добился».

Однако, как стало известно гораздо позднее, примерно в 1910 году одна из главных масонских лож Франции приняла решение об образовании и активизации в России политического масонства с целью свержения монархии. Теперь известно также, что Петр Аркадиевич Столыпин очень близко подошел к этой тайне. Летом 1911 года он подготовил для Николая II большой доклад, где содержалось предложение вновь официально и жестко запретить масонство в России, и, более того, арестовать около десяти лидеров масонства из числа думцев и устроить над ними открытый (публичный) судебный процесс. На 4 сентября 1911 года в Киеве Государь назначил Столыпину аудиенцию для этого доклада. Как известно, 1 сентября Столыпин был убит в Киеве при загадочном попустительстве (или, скорее, роковой ошибке) Тайной полиции. Через год ему был поставлен памятник в Киеве. Его снесли в начале марта 1917 года по одному из первых указов Временного правительства! Как известно, первый состав Временного правительства на 90 % состоял из масонов. Во избежание недоразумений заметим, что это были русские масоны, не пресловутые «жидо-масоны».

* * *

Вернемся, однако, в первые годы XX века. После французских мистиков через тех же черногорских принцесс во дворце стали появляться юродивые из народа. Первым черногорки рекомендовали известного в Петербурге Дмитрия Ознобишина из Оптиной пустыни, известного в народе под именем Митька Юродивый, но речи его во дворце были слишком бессвязны. Потом появилась Дарья Осипова, страдавшая падучей, выкрикивавшая пророчества во время припадков и бормотавшая

что-то вещее в другое время. Она также знала древние языческие «рецепты» для зачатия мальчика. Но императрица все не беременела.

От Дарьи Осиповой, однако, пошло пророчество о том, что при последних русских царях Россия каждые 12 лет будет «переворачиваться» [25]. Это предсказание сбылось с точностью почти до года: Николай II вступил на престол в 1894 году, в 1905 году случилась первая русская революция, в 1917 – вторая (вернее, две – Февральская и Октябрьский переворот), 1929 год советские историки называли «годом Великого перелома» (и власть И. В. Сталина с того года стала фактически неограниченной), 1941 год – начало Великой Отечественной войны, в 1953 году умер Сталин.

Глава 4. Второе послание из прошлого: 1903 год. Серафим Саровский.

Известный и любимый в народе, уже тогда снискавший славу святого, священник Иоанн Кронштадтский, озабоченный появлением череды полуязыческих знахарей и прорицателей в окружении Царской семьи, подробно рассказал им об истинном святом чудотворце Серафиме Саровском, посмертная слава которого давно широко шла по Руси.

Сам святой Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев, 1829–1908) заслуживает в нашем повествовании отдельного рассказа. Его предки по мужской линии 350 лет служили православной церкви. Он родился в деревне Сура Архангельской губернии и как-то раз в детстве увидел во сне церковь, которая поразила его воображение. В возрасте 26 лет он впервые попал в Кронштадт и при виде Андреевского собора воскликнул: «Я его уже видел!» После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии и женитьбы он стал священником этого собора и служил в нем до конца жизни. Брак отца Иоанна был духовным, он еще перед свадьбой сказал своей невесте Елизавете Константиновне: «Счастливых семей много… Давай мы с тобой посвятим свою жизнь Богу» [7, 31].

Кронштадт во времена начала его служения был не только военно-морской крепостью, но и местом ссылки бродяг и преступников низшего сословия. Сначала проститутки и темные посадские люди плохо относились к новому священнику. Отец Иоанн начал свое подвижничество с их детей, всячески заботясь о них и ежедневно делая им маленькие подарки, будь то простая еда или конфета. Затем он стал помогать больным и убогим, бродягам и нищим Кронштадта. Отец Иоанн считал материальную помощь «болеутоляющим средством», но более заботился о здоровье, и еще более – о духовном исцелении своей паствы. Некоторые исцеления больных по его молитвам сами бродяги признавали чудесными. К нему потянулось все население Кронштадта, а затем и богатые люди из столицы. К началу царствования Николая II протоиерей Иоанн уже снискал славу святого исцелителя. На его яркие проповеди ходили тысячи людей. Купцы давали ему большие деньги на благотворительные дела.

Известно, что он молитвами исцелял некоторых больных, даже не видя их, по телеграммам из других городов России. И не

только России! Известно чудесное исцеление его молитвами болгарского царевича Бориса, отец которого отправил ему телеграмму с просьбой исцелить тяжело больного сына.

В конце жизни Иоанн Кронштадтский предчувствовал и тяжело переживал грядущую трагедию России: «Кайтесь, ибо приближается ужасное время. Столь ужасное, что вы и представить себе не можете».

Было ли это предсказание духовидца, или чуткая душа отзывалась на атеизм образованного слоя интеллигенции России, мы не знаем. Так или иначе, но его предложение прославить Серафима Саровского было вызвано болью о России и о Царской семье, желанием дать им крепкого небесного защитника.

Святой преподобный Серафим, Саровский чудотворец, сын купца Прохор Мошнин родился с 19 на 20 июля 1759 года (по другим сведениям в 1754 году) и умер 1 января 1833 года. Он снискал широкую славу благочестивого православного чудотворца, целителя и провидца еще при жизни. Чудесные спасения и исцеления произошли с ним самим еще в детстве. На 19-м году жизни он пришел послушником в Саровский монастырь и остался там на всю жизнь. В 27 лет он стал иноком и наречен был Серафимом. Через год он был посвящен в иеродиякона, в 1793 году был рукоположен в иеромонаха. Он был кроток и светел душою и обликом. Серафим совершил сотни исцелений и провидел сотни судеб, помог при жизни сотням и сотням людей – и малым и великим – обрести истинный путь в жизни.

В самом начале своего служения в Саровской пустыни Серафим перенес тяжелую болезнь и был при смерти. Уже был отслужен молебен, он уже причастился – и тут, как он сам потом рассказывал, пред ним предстала Богородица и со словами *«Сей от Нашего рода»* прикоснулась к нему и исцелила. Вся его последующая жизнь проходила под водительством Богородицы: еще много раз она являлась ему.

Серафим вел суровый, аскетический образ жизни. Многие монахи пытались подражать ему, но ни один из них долго не выдержал. Он жил в келье в лесу один и молился коленопреклоненно на камне в мороз и в зной, каждый день, много часов. Однажды разбойники избили его до полусмерти и искалечили. Он с трудом добрался до Дивеевской обители. Врачи нашли, что раны его смертельны, но он выжил. Ему снова явилась Богородица, и он вновь услышал: *«Сей от Нашего рода».* Он долго болел, превратился в согбенного старца и на 10 лет ушел в полный затвор. Затем Богородица призвала его помогать людям.

Сотни людей приходили к нему за советом, исцелением или духовной поддержкой. За свою долгую жизнь он не только

избавил от болезней сотни людей и сотням помог советом, но и совершил множество чудес: спасал своими предупреждениями от гибели или пожара, предостерегал от других опасностей. Бывали дни, когда к нему приезжали до пяти тысяч человек. В продолжение 55 лет он нес подвиг благочестия. К нему приходили сотни писем со всей России. Известно со слов свидетелей, что Серафим узнавал содержание многих из них, не распечатывая, – и отвечал на них.

Говорят, что сам «царь-мистик» Александр I побывал у него незадолго до своей смерти, осенью 1825 года. Однако при жизни, после обретения старцем широкой известности, официальная церковь стала относиться к нему с некоторым недоверием, если не подозрением, из-за необычного и не всегда понятного людям образа жизни. Так, в своей обители он любил окружать себя молодыми девственницами (называя их «Христовыми невестами») и часто появлялся в их окружении на людях. Церковные и светские власти даже допрашивали его на этот счет незадолго до его кончины.

На протяжении всех 70 лет после кончины великого старца Серафима верующие во множестве приходили к его могиле у Саровской церкви, к источнику его имени близ Сарова. Сотни из них по молитве получили чудесные исцеления от разных болезней, как телесных, так и душевных.

После общения с Иоанном Кронштадтским Императрица Александра приняла горячее участие в деле канонизации Серафима Саровского. Именно она настояла на создании специальной комиссии Святейшего Синода. В 1902 году синодальная комиссия исследовала более ста случаев чудесных исцелений по смерти старца, и 26 января 1903 года Святейший Синод прославил его как святого преподобного молитвенника земли Русской. Началась подготовка к торжествам по случаю канонизации. Торжества были приурочены ко дню его рождения и 70-летию кончины – к 19 (31) июля 1903 года.

* * *

Летом 1903 года Царская семья отправилась в Саров. Как верила Александра в эту поездку! Они ехали поклониться мощам святого и молить его о сыне, о продолжении рода. Но кроме этого, они узнали о том, что, согласно династическому преданию, Святой Серафим около 1825 года написал книгу предсказаний роду Романовых и передал ее Александру I во время их встречи осенью 1825 года. Не известно, читали ли ее Николай I и Александр II. Но известно, что Александр III искал эту рукопись, и оказалось, что она хранится в специальном полицейском архиве, в Департаменте полиции. Однако, как вскоре выяснилось,

Царскую семью ожидало в Сарове еще и личное письмо Николаю II от старца…

Что касается рукописи из полицейского архива, то ее содержание почти не известно. Разные источники сходятся лишь относительно небольшого отрывка из нее:

«Будет царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого царя и его самодержавия, все восставшие погибнут, а Бог царя возвеличит». [10]

Эдвард Радзинский в своей книге [25] приводит этот отрывок в иной редакции:

«В начале царствования сего монарха будут беды народные, будет война неудачная, настанет смута великая внутри государства. Отец поднимется на сына и брат на брата. Но вторая половина царствования будет светлая, а жизнь его долговременная».

Радзинский предполагает, что последние слова были попросту дописаны для царя в Департаменте полиции. Скорее всего, так оно и было.

Однако можно не сомневаться в том, что переданная из Департамента полиции рукопись содержала много важных предсказаний. Радзинский ссылается на книгу царского министра финансов С. Витте «Воспоминания» [5], где тот писал, что когда он в августе 1905 года уехал в Портсмут заключать мирный договор с Японией после проигранной Россией войны, Николай II послал ему вдогонку рассердившее его наставление: пусть-де он не волнуется и знает, что святой Серафим предсказал – мирный договор будет заключен. Этот факт тем более убедителен, что Витте был возмущен этой телеграммой. С другой стороны, Витте писал еще о том, что близкий к Государю князь Путятин (он принимал активное участие в подготовке к прославлению старца) еще раньше, вскоре после Цусимы (в мае 1905 года), говорил ему, что существует предсказание Серафима о «победоносном мире с Японией» [5, с. 271].

По неподтвержденным слухам, предсказания старца охватывали период до конца XX века. Впрочем, возможно, речь идет о предсказаниях преподобного Серафима из письма, переданного Николаю II в Сарове Еленой Мотовиловой – об этом чуть позже.

Некоторые современные исследователи мистических тайн предполагают, что рукописная книга предсказаний Серафима Саровского после 1917 года каким-то образом попала к большевистским вождям и с тех пор передавалась от генсека к генсеку, вплоть до Горбачева – но мы сомневаемся в этом, как и в

том, что лидеры СССР и нынешней России читали пророчества монаха Авеля.

* * *

16 июля 1903 года императорский поезд прибыл на станцию Арзамас, где Царскую семью приветствовали восторженные толпы. Близ монастыря собрались полтораста тысяч паломников. Саровское путешествие произвело неизгладимое впечатление не только на Николая и Александру, но и на всех свидетелей этих событий. Известный писатель В. Г. Короленко, бывший там с паломниками, описал восторг и энтузиазм гигантской толпы.

Царская семья провела три дня в молитвах. По ночам императрица купалась в святом источнике, прося Серафима о рождении сына.

Вот как описывает эти дни Радзинский в своей книге:

«На Саровской земле Аликс постигала удивительное понятие – «Старец». Старец – твой заступник перед Богом. Ты вручаешь ему свою волю, лукавый свой разум, и он, ощущая непрерывную связь с Ним, направляет тебя. Старец – твой путеводитель, тот, кто несет ангельский хлеб душе твоей. <…> Старец Серафим был рядом с ними – они ощущали его присутствие, слышали его тихий голос: «Человек по телу подобен зажженной свече, она должна сгореть, и он должен умереть. Но душа его бессмертна, и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле» [25]

Преподобный Серафим был объявлен в те дни небесным покровителем Царской семьи.

20 июля (по старому стилю) 1903 года в Сарове Николаю II было вручено письмо Серафима Саровского, предназначенное лично ему и запечатанное рукою старца в последний год его жизни, за 70 лет до этих событий. Возможно, Серафим провидел полицейские правки первого письма, переданного Александру I, и счел необходимым отправить в будущее дубликат. С другой стороны, возможно, что это было именно личное письмо последнему царю, с предсказаниями только для него.

Письмо вручила Николаю II Елена Ивановна Мотовилова (1823–1910), вдова секретаря святого старца Н. А. Мотовилова (1808–1879). Это письмо преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом и передал Мотовилову со словами: *«Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся царская фамилия обо мне молиться и царь придет к ней. Пусть она ему передаст».*

Кстати, по свидетельству церковного писателя С. А. Нилуса, который несколько раз беседовал с Еленой Ивановной (еще до Саровских торжеств 1903 года), старец Серафим в октябре 1831 года, за год с небольшим до кончины, предсказал Мотовилову его

будущую невесту, которой было в то время 8 лет, а ей, простой крестьянской девчонке, подарил шесть букварей («азбучек») со словами «по времени они тебе пригодятся». И родилось в семье Мотовиловых со временем ровно шесть детей [19].

Итак, Государь получил этот пакет 20 июля 1903 года.

Наталья Леонидовна Чичагова (дочь владыки Серафима Чичагова), вспоминала:

«Государь принял письмо, с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после <…> Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, он горько заплакал. Придворные утешали его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно». [7]

Некоторые свидетели называли письмо «рукописью» или «пакетом»: видимо, оно было немалого объема, на многих страницах.

Можно только предполагать, что святой прозорливец ясно видел будущее, а потому предохранял от какой-либо ошибки и предупреждал о грядущих грозных событиях, укрепляя в вере, что «все это совершится не случайно, а по предопределению Предвечного небесного Совета, дабы в трудные минуты тяжких испытаний Государь не пал духом и донес свой тяжелый мученический крест до конца».

Что было дальше? Из записей протоиерея Стефана Ляшевского [7]:

<<Во время прославления в Дивееве жила знаменитая на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Паша Саровская. Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше Саровской. Государь со всеми великими князьями и тремя митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево, куда на торжество собралось около двухсот тысяч человек. Вдоль дороги по обеим сторонам вышли также все 850 монахинь обители. В экипаже они все подъехали к келии блаженной Паши. Матушка игуменья, конечно, знала об этом предполагавшемся визите, но не велела готовиться особо, а только попросила сделать из глины девять солдатиков и сварить чугунок картошки в мундирах. Затем она приказала вынести из келии все стулья и постелить большой ковер. Их величества, все князья и митрополиты едва смогли войти в эту келию.

Параскева Ивановна, когда Государь вошел, взяла палочку и посшибала головки у всех солдатиков – предсказывая мученическую кончину Царской семьи. [8] *К трапезе блаженная предложила картошку в мундирах, что означало суровость их последних дней.*

Она сидела, как почти всегда, на кровати, смотрела на Государя, а потом сказала: «Пусть только Царь с Царицей останутся». Государь попросил оставить его и Государыню одних, – видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода их Величеств. Матушка игуменья выходила из келии последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к царствующим особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, – смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол». Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно! Великое смирение – Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна.

Она сказала им все, что потом исполнилось, т. е. о гибели России, Династии, разгроме Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго, их Величества ужасались, Государыня была близка к обмороку, наконец, она сказала: «Я вам не верю, этого не может быть!» Это ведь было за год до рождения Наследника, и они очень хотели иметь сына, и Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, тогда поверишь тому, о чем я говорила вам».

С этого момента Государь начал считать себя обреченным на крестные муки, и позже говорил не раз: "Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию"> > [7].

* * *

Журнал Валаамского общества Америки «Русский паломник» в 1990 году сообщал:

< <Княгиня Наталья Владимировна Урусова, нам лично знакомая, была в переписке с Е. Ю. Концевич, которая нам оставила письма, равно как и воспоминания покойной княгини. Вот что сообщается ею:

Я знаю о пророчестве преп. Серафима о падении и восстановлении России; я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой Академии. Вскоре был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо со словами: «Это я храню, как зеницу ока». Письмо, пожелтелое от времени, с сильно полинявшим чернилом, было написано собственноручно св. преподобным Серафимом Саровским – Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и

бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, т. к. прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, т. к. год указывался отдаленно, а спасения и избавления хотелось немедленно еще с самого начала революции; и думается, что это был 1947 год: во всяком случае, в последних годах XX столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята, и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недальновидность… Письмо помню хорошо»>>. [35, с. 94]

{Примечание: В журнале «Русский паломник» напечатано «1947 год», но из контекста («в последних годах XX столетия») ясно, что скорее речь идет о 1997 годе, – вероятно, это просто опечатка при публикации. – Б.Р.}

Надо отметить, что Н. В. Урусова написала это письмо в 1946 году (за 45 лет до падения коммунизма), а журнал «Русский паломник» опубликовал это в 1990-м – т. е. еще за год до развала СССР и падения власти коммунистов.

…Блаженная Прасковья Ивановна Саровская умерла в 1915 году. Есть воспоминания о том, что и в дальнейшем, после 1903 года, Государь неоднократно обращался к Прасковье Ивановне, посылал к ней великих князей. Евдокия Ивановна (келейница блаженной) говорила, что не успевал один уехать, другой приезжал. После смерти келейницы Прасковьи Ивановны, матушки Серафимы, спрашивали все через Евдокию Ивановну. Она передавала, что Прасковья Ивановна сказала: «Государь, сойди с престола Сам!»

* * *

Через сто дней после обретения небесного покровителя преподобного Серафима Саровского Александра Федоровна зачала наследника. Мальчик родился 30 июля 1904 года в маленьком летнем дворце в Петергофе. Николай II записал в своем дневнике:

«30 июля. Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В час с четвертью дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня, по крайней мере. Нет слов, чтобы достаточно благодарить Бога за ниспосланное им утешение в эту годину трудных испытаний».

Мальчика назвали Алексеем в честь второго царя из династии Романовых, Алексея Михайловича, за глубокую религиозность, доброту и благонравие прозванного «Тишайшим». Николай II

очень его любил, – и, заметим, он не любил Петра I, который не отличался ни добротой, ни добронравием, и религиозность свою сам «разукрашивал» более чем сомнительными пьяными «шутейными соборами». Однако именно после Петра I Романовы избегали давать имя Алексей своим наследникам, т. к., по преданию, перед гибелью сын Петра царевич Алексей прокричал проклятие Романовскому роду – своему роду [25].

Глава 5. 1905 год, январь.

С 1904 года Николай II меняет внутреннюю политику России. После убийства эсерами министра внутренних дел Плеве (июль 1904 года) Николай вместо ужесточения курса, как можно было ожидать, начинает готовить широкую программу либеральных реформ и назначает новым министром внутренних дел либерального князя Святополк-Мирского, который заявил о желании правительства «установить отношения доверия с обществом». Осень 1904 года была началом «политической весны». Ее можно сравнить даже с горбачевской «перестройкой» 1980-х годов! Печать стала свободно критиковать бюрократию и обсуждать вопрос о необходимости коренных реформ. 12 декабря 1904 года правительство опубликовало указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», содержавший широкую программу реформ. Это происходило во время битвы с японцами за Порт-Артур, после тяжелых поражений. Разработать новое либеральное законодательство было поручено С. Ю. Витте. Накануне нового 1905 года вся думающая Россия жила в ожидании огромных перемен сверху, а возможно и Конституции. Либералы праздновали полную победу. Но рано.

Уже 1 января 1905 года в знак протеста против новой политики ушел со своего поста один из вождей «правых» Д. Ф. Трепов, глава московской полиции. Но этот жест был лишь видимой частью назревавших событий. Главное развернулось через несколько дней в столице, в украшенном изморозью Санкт-Петербурге.

Странный выстрел на Водосвятие

6 января 1905 года на Водосвятие, на Иордане у Зимнего Дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно орудие оказалось заряженным картечью, и картечь ударила по окнам дворца, где находилось духовенство, свита Государя и сам Государь [5, 19].

{Примечание: В книге С. А. Нилуса «На берегу Божией реки» [19] при описании этого эпизода на стр. 766 допущена опечатка: вместо 6 января 1905 года указано 6 января 1903 года; эта ошибка перекочевала в некоторые другие издания. Дата 6 января 1905 года указана в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте [5, с. 338] и в книге «Житие преподобного Авеля прорицателя» [10]. Правда, Витте писал, что выстрел боевой картечью был случайным, и что

боевой заряд был устаревший, и что пушка стреляла не прямой наводкой, а вверх, и что Государь, узнав все это, простил виновных. Тем не менее, и Витте отмечает, что «случай этот трактовался во многих слоях общества как покушение если не на царскую жизнь, то на царское спокойствие». – Б.Р.}

Упоминавшийся ранее П. Н. Шабельский-Борк описал это событие так:

«Близко просвистела картечь, как топором, срубило древко церковной хоругви над царской головой. Но крепкою рукой успел протодиакон подхватить падающую хоругвь и могучим голосом запел он: «Спаси, Господи, люди Твоя»… Чудо Божие хранило Государя для России. Оглянулся Государь, ни один мускул не дрогнул в его лице, только в лучистых глазах отразилась бесконечная грусть. Быть может, вспомнились ему тогда предсказания Богосветлого Серафима и Авеля Вещего об ожидающем его крестном пути».

Патетический слог русского офицера-монархиста, ветерана Первой мировой, здесь понятен.

На самом деле, спокойствие, с которым Николай II отнесся к происшествию, грозившему ему смертью, было до того поразительно, что оно обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Он, как говорится, бровью не повел и только спросил: «Кто командовал батареей?» И когда ему назвали имя, то он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен будет подлежать командовавший офицер: «Ах, бедный, бедный Карцев, как же мне жаль его!»

Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил: *«До восемнадцатого года я ничего не боюсь».*

Командира батареи и офицера Карцева, распоряжавшегося стрельбой, Государь простил, т. к. раненых, по особой милости Божией, не оказалось, за исключением одного городового, получившего самое легкое ранение. Звали же того городового Петр Романов.

Заряд, предназначенный злым умыслом царственному Романову, Романова задел, но не того, на кого был нацелен: не вышли времена и сроки, далеко еще было до 1918 года.

Исповедь царя. Новые трагедии и новые пророчества

Трагические события 9 января 1905 года произвели на Царскую семью ужасное впечатление. Не будем здесь рассказывать о политических последствиях «Кровавого воскресенья», о революции 1905 года – задача этой части нашей

книги другая. Здесь мы хотим раскрыть мистическую сторону истории России тех лет и Царской семьи.

Мы убедились, что, начиная с 1901 года, когда стали известны предсказания Авеля, и, особенно после июля 1903 года, когда Николаю II было вручено личное письмо от небесного покровителя преподобного Серафима Саровского, – после этого, и последующих событий, которые, видимо, подтверждали предсказания обоих провидцев, **Государь знал свою судьбу** и, возможно, судьбу династии и судьбу России.

Что мог и что должен был делать глубоко верующий человек, правитель России, в этой ситуации? Молиться Богу? Конечно, он молился, с искренней верой в заступничество свыше. Конечно, он продолжал править страной и принимал необходимые решения. Он делал что должно, но знал что будет …

После 9 января Николай II встретился для исповеди и покаяния с известным «народным духовником», иеромонахом Варнавой из Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой Лавры. Этот старец, Василий Ильич Меркулов (1831–1906) к тому времени уже более тридцати лет был известен своей прозорливостью. За благословением и помощью духовной к нему шли паломники со всей России. О содержании беседы Императора со старцем Варнавой точных сведений нет. Достоверно известно лишь, что Варнава предсказал ему «Крестный путь» и дал благословение на принятие мученического конца, «когда Господу угодно будет этот крест на Него возложить». Он же предрек «небывалую еще славу царского имени его» в будущем, т. е. после мученической смерти [29].

Глава 6. Попытка переломить судьбу: 1905 год, март.

Революционеры с новой силой разворачивают террор. В феврале 1905 года в Москве они убивают великого князя Сергея Александровича, дядю Государя.

Вероятно, в те дни между Николаем и Александрой происходит серьезный разговор о будущем. Все предсказания, которые они получили ранее из разных источников, неумолимо сбываются. Попытки преодолеть мрачные пророчества оказались безрезультатны.

Неужели Николай II в то время не пытался «переломить» свою судьбу и, может быть, тем самым изменить и судьбу России? Наверное, многие задавались таким вопросом. Я искал следы такой попытки и нашел ответ сначала в статье покойного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна «Русь Соборная» [15], и затем в книгах известного церковного писателя С. Нилуса «На берегу Божией реки» [19] и в «Воспоминаниях товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова» [9].

Оказалось, действительно, в феврале-марте 1905 года Николай решил переломить судьбу – отречься от трона в пользу маленького сына Алексея при регентстве (опеке) Александры и своего брата Михаила, а самому уйти в монахи. Однако митрополит Антоний (Вадковский) отказал ему в благословении на это решение: *«Недопустимо строить свое личное спасение на оставлении своего царственного долга, Богом ему указанного…»* [9]. Тогда, после долгих молитвенных раздумий, Николай решается восстановить патриаршество и затем возглавить Российскую православную церковь – и предложить Церкви избрать себя в патриархи.

Напомним, что Петр I, стремясь для проведения коренных реформ установить «единую вертикаль власти», отменил патриаршество и учредил Святейший Синод, главу которого назначал сам Государь. Таким образом, русская Церковь потеряла свою независимость и роль «совести нации». Еще в XIX веке многим государственным и церковным деятелям стало ясно, что восстановление патриаршества необходимо для блага народа и страны. Вот что писал по этому поводу митрополит Иоанн (Снычев) в 1995 году:

<<Сам Николай II, пожалуй, как никто другой из его

венценосных предшественников, понимал жизненную необходимость восстановления соборного единства русской жизни. Хорошо зная историю, он прекрасно понимал, что ни дворянство, ни чиновничество, ни органы земского самоуправления не могут стать опорой Царю в стремлении «смирить всех в любовь». Сперва должны быть залечены те глубокие духовные раны, которые мешают восстановить былое мировоззренческое единство народа, единство его нравственных и религиозных идеалов, его национального самосознания и чувства долга.

Единственной силой, способной на это, была Православная Церковь. И Государь совершенно правильно решил, что сперва должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем уж, опираясь на ее мощную духовную поддержку, – и в общественно-государственной области. Сначала собор церковный, а уж затем земский – таковы были планы Николая II. Ясно понимая, что никакой земский собор невозможен без единения с Церковью, Государь был готов произвести грандиозные перемены во всем строе государственно-церковной жизни>>. [15]

В марте 1905 года Государь сообщил членам Святейшего Синода о своем решении готовить восстановление патриаршества и созыв Собора. Синодалы начали готовить документы. 22 марта 1905 года в Синоде была составлена записка к Государю о необходимости восстановления патриаршества. В записке Синод, ссылаясь на каноны (например, 4-е и 5-е постановления Никейского Собора, где говорится о созыве Поместных Соборов каждые полгода), обосновывал необходимость созыва Поместного Собора, на котором необходимо избрать патриарха. Состав Синода должен быть изменен, избираться он должен на Соборе и действовать как орган при Патриархе, а не при Государе. Победоносцев (главный противник восстановления патриаршества) был обескуражен тем, что Синод, столько лет бывший ему полностью послушным, выступил против него.

31 марта 1905 года Николай II, познакомившись с запиской синодалов, наложил резолюцию о готовности созвать Собор в благоприятное для сего время. Думаю, что тогда это не было отговоркой. Император действительно поддержал идею созыва Собора. Видимо, в тот же день, 31 марта 1905 года он и встретился с синодалами. Вероятно, на той встрече присутствовали известные сторонники восстановления патриаршества: товарищ обер-прокурора Святейшего Синода – Саблер Владимир Карлович; митрополит Петербургский Антоний (Вадковский), митрополит Московский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский Флавиан (Городецкий); архиепископ Литовский Никандр, архиепископ Ярославский

Иаков, архиепископ Могилевский Стефан, архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский); епископ Псковский Арсений (Стадницкий), епископ Волынский Антоний (Храповицкий).

Известный церковный писатель С. А. Нилус приводит в своей книге рассказ одного из архиереев, участвовавших в той судьбоносной встрече в Святейшем Синоде [19]:

<<Когда закончилась наша зимняя сессия, мы – синодалы, во главе с первенствующим Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), как по обычаю полагается по окончании сессии, отправились прощаться с Государем, и преподать Ему на дальнейшие труды благословение, то мы, по общему совету, решили намекнуть Ему в беседе о том, что не худо бы в церковном управлении поставить на очередь вопрос о восстановлении патриаршества в России, упраздненного Петром I. Каково же было удивление наше, когда, встретив нас чрезвычайно радушно и ласково, Государь с места Сам поставил нам вопрос в такой форме:

«Мне, – сказал Он, – *стало известно, что теперь и между вами в Синоде, и в обществе, много толкуют о восстановлении патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик в моем сердце и крайне заинтересовал меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей патриаршества на Руси и его значения во дни великой смуты междуцарствия и пришел к заключению, что время назрело и что в России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для церкви, и для государства, необходим. Думается мне, что и вы в Синоде не менее моего были заинтересованы* этим вопросом. *Если так, то каково ваше об этом мнение?»*

Мы, конечно, поспешили ответить Государю, что наше мнение вполне совпадает со всем, что Он только что перед нами высказал.

«А если так, – продолжал Государь, – *то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в патриархи наметили?»*

Мы замялись и на вопрос Государя ответили молчанием.

Подождав ответ и видя наше замешательство, Он сказал:

«А что, если я – как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, – что, если я сам вам его предложу, что вы на это скажете?»

«Кто же он?» – спросили мы государя.

«Кандидат этот, – ответил Он, – *я. По соглашению с Императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагаю себя в патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на*

это скажете?»

Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предложений, что мы не нашлись, что ответить, и… промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом; встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы… промолчали.

С той поры, – продолжает свой рассказ С. А. Нилус уже от себя, – *никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу Цареву уже не было… между ними и его сердцем утвердилась непреодолимая стена, и веры им в сердце его уже не стало, оттого, что сердце Царево, истинно, в руце Божией, и благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих сил искали в патриаршестве, а не яже Божиих, и дом их был оставлен пуст… > >.* [19, с. 758–761]

Современные либеральные круги в России настороженно относятся к церковному писателю С. А. Нилусу из-за его страстных усилий в начале XX века довести до царя содержание пресловутых «Протоколов сионских мудрецов» и из-за его брошюры «Близ есть при дверех», посвященной этой «скользкой» теме – да, это было. Однако его книги представляют несомненный исторический и духовный интерес в других отношениях.

Поместный Собор для восстановления патриаршества был собран в 1917 году, но было уже поздно. Никто не знает, конечно, как развивались бы события, если бы члены Святейшего Синода не промолчали в марте 1905 года, но все же, может и не было бы тогда «мартобря семнадцатого».

Однако теперь становится гораздо понятнее дальнейшее отношение Николая II к Святейшему Синоду, а также и его отношение к «последнему волхву империи» Распутину, – старцу из гущи народа, искренне верующему в Бога и Государя.

Он не смог переломить судьбу.

Итак, с января 1905 года в крупных городах России бушевала первая русская революция – точнее, революционеры развернули массовый террор против государственных деятелей и высших чиновников. На Дальнем Востоке в войне с Японией терпела жестокие поражения русская армия. В феврале 1905 года был убит великий князь Сергей Александрович, муж Елизаветы Федоровны, сестры Александры. В марте Святейший Синод фактически отказал Николаю II в его предложении восстановить патриаршество (а ранее и в его нижайшей просьбе о пострижении

в монахи).

Вероятно, весной 1905 года Николай был сокрушен духом. Но это было не проявлением слабости и бесхарактерности, а трагедией сильного, целеустремленного, умного и глубоко верующего человека, – последнего Государя России. По свидетельству монаха из Иоанновского монастыря на Карповке в Санкт-Петербурге:

«Будучи при батюшке Иоанне Кронштадтском, несколько раз был свидетелем, как к нему ночью приезжал Император Николай II. При последнем приезде Батюшка на его вопросы ему ответил, что есть только три пути для него: уехать за границу, оставить все и стать странником, оставаясь в России, или стать мучеником. Император выбрал путь мученика, вот откуда у него полное непротивление злым разрушительным силам, т. к. он заранее знал свой путь и будущее России. ***Это было полное смирение перед волей Божией, а не бесхарактерность, как клевещут на него люди противления».*** *[29]*

В том же 1905 году будущий крестный путь Государя прозревали и другие монахи, затворники, старцы. Так, по свидетельству А. Д. Хмелевского, затворник Агапий прочитал Государю акафист как будущему великомученику. В Оптиной пустыни иеромонах Даниил (Дмитрий Михайлович Болотов, 1837–1907) написал огромный холст, на котором изобразил Николая II, Александру Федоровну и наследника Алексея восхищенными на небеса: сквозь облака, по которым они ступают, мчатся рои бесов, рвущиеся в ярости к Цесаревичу.

Александр Петрович Извольский (1856–1919), министр иностранных дел Российской империи в 1906–1910 годах, писал в своих воспоминаниях о вспыхнувшем в ночь с 19 на 20 июля 1906 года вооруженном бунте в Кронштадте [20]:

«…В тот день, 20 июля, когда мятеж достигал своего кульминационного пункта, я находился близ Императора в Петергофе… В окно виднелись линии укреплений… Мы явственно слышали звуки канонады… Я не мог подметить в его чертах ни малейшего признака волнения… После доклада Государь сказал: «Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи – в руках Господа. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей».

Широко известно свидетельство французского посла в России Мориса Палеолога [21] об одном из разговоров Николая II с П. А. Столыпиным (в 1909 году), когда Царь в ответ на важные предложения Столыпина по внутренней политике с глубокой грустью в голосе сказал своему министру, что это не приведет ни

к чему хорошему, т. к. ему, Царю, не удается ничего из того, что он предпринимает. Затем Николай II напомнил, что он родился в день Иова Многострадального (6 мая) и, в ответ на ободряющие слова Столыпина (о том, что после всех испытаний Иов был вознагражден), спокойно сказал:

«Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более, чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания, но я не получу моей награды здесь, на земле. Сколько раз примерял я к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне»». [21]

Мы можем лишь строить предположения о том, почему Иов был спасен на Земле и «по-земному» вознагражден Богом после всех испытаний, а Царская семья приняла мученический конец.

Догадка первая: во времена Ветхого Завета, как следует из книги Иова, сатана еще общался с Богом на небесах (и Бог разрешил ему испытать веру Иова). Со времен Нового Завета, когда, по свидетельству Иисуса Христа, сатана был изгнан с небес («Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» [Лк., 10, 18]), – с этих пор, по словам апостола Павла [2 Кор. 12, 7–9], какое согласие между Христом и Велиаром? – т. е., между Богом и сатаной с евангельских времен не может быть договоров, в отличие от времен Иова (времен Ветхого Завета). Именно потому бесы не отступили, испытав веру Государя, но продолжили и погубили Царскую семью.

Как сказал апостол Павел в том же втором Послании Коринфянам [2 Кор. 12, 7–9]:

«И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила моя совершается в немощи»»…

Догадка вторая: Бог попустил победу бесов в России, чтобы показать всему миру истинную природу бесовского учения коммунизма. СССР был первым за всю историю цивилизации государством, которое официально приняло не просто атеистическую, но богоборческую доктрину и пыталось осуществить замысел сатаны: построить «рай на земле» (коммунизм) без Бога и против Бога. По выражению Рональда Рейгана, это была Империя зла!

Подчеркнем, что мировоззрение отдельного человека – его личное дело, а здесь речь идет о государственной идеологии, насаждаемой властью. Атеизм отдельного человека – его личный выбор, и верующие не вправе осуждать атеиста за его выбор.

Хорошо сказал об этом Карл Густав Юнг в книге «Ответ Иову»:

«Люди, способные верить, должны с несколько большей терпимостью относиться к своим ближним, которые в состоянии лишь мыслить. Человек, полагающийся на одну только веру и пренебрегающий мышлением, всегда забывает о том, что сам же сталкивает себя постоянно со своим кровным врагом: сомнением; ибо сомнение всегда таится там, где безраздельно господствует вера. Для человека мыслящего, напротив, сомнение – желанный гость, ибо может сослужить ему добрую службу как ступень, ведущая к более полному знанию». [40]

2—14 августа 1918 года в России были объявлены Патриархом Тихоном днями всеобщего покаяния и молебна об избавлении из пленения от ига большевизма. Вряд ли, однако, в 1918 году всеобщее покаяние было возможно: большевики уже разожгли пожар гражданской войны, в стране бушевали черные страсти и жгучая ненависть. Подчеркнем, что именно большевики развязали гражданскую войну в России, и Ленин публично взял на себя ответственность за это еще весной 1918 года, на очередном съезде Советов. Без гражданской войны они никогда не смогли бы навязать свое иго огромной стране. Гражданская война была необходима им, как воздух.

Освящая в июле 2003 года храм-памятник в Екатеринбурге на месте расстрела Царской семьи, Патриарх Алексий II призвал народ к покаянию и отметил:

«Гражданская война и годы репрессий, коснувшиеся практически каждой семьи, все дальнейшие и даже нынешние нестроения в Отечестве нашем являются следствием нашего отступления от того пути, которым Россия не раз приходила к славе и могуществу. Ополчившись на Бога, презрев священную память предков, отдавших за нас свои жизни, уничтожив без зазрения совести труд лучших сынов и дочерей народа, мы покрыли российскую историю пятном страшного беззакония».

По мнению Патриарха, смыть это пятно можно только всеобщим покаянием и трудом пастырей и чад Церкви, государства и народа:

«Потому важно, чтобы с этого места, где пролилась кровь святых царственных страстотерпцев, где предпринята была попытка разрушения России, началось возрождение славных традиций, когда и предержащие власти, и рядовые граждане стремятся каждодневно сверять дела свои с заповедями Божиими, рассматривать себя как продолжателей деяний многих и многих поколений своих предков, строить Отечество таким, чтобы соответствовать идеалу Святой Руси»

Литература

1. Gibbs Charles. The House of Special Purpose / by J. C. Trewin. N-Y: Stein and Day Publishers, 1975.

2. Hamon Louis. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. N-Y, London: Harper&Brothers Publishers, 1931. (Kessinger Publishings Rare Reprint, 2005.)

3. Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Издание Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль (США), 1983.

4. Бунич И. Л. Династический рок. Киев: А.С.К., СПб.: Облик, 1997.

5. Витте С. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960, Т. 2.

6. Воробьевский Ю. Ю. Мистика фашизма // Россия, 1995, № 9, 11, 14.

7. Дивеевские предания. М.: Скит, 1992.

8. Дэви-Ноел Александра. Посвящения и посвященные в Тибете. СПб.: ОРИС, 1994.

9. Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. СПб.: Царское дело, 2007.

10. Житие преподобного Авеля прорицателя. Издание Свято-Троицкого Ново-Голутвинского монастыря, 1995.

11. Кирибеевич (П. Н. Шабельский-Борк). Вещий инок. Историческое сказание // Земщина, 1991, № 28 (45); 1992, № 67. (Первое издание Берлин, 1931.)

12. Кобылин В. С. Анатомия измены. СПб.: Царское дело, 2005.

13. Лошадкина Г. Это было именно так (Экспедиция Ноев ковчег) // Наука и религия, № 7, 1994.

14. Матушка Лючия рассказывает о Фатиме (составитель Луис Кондор). F atima – Portugal, 1991.

15. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Русь Соборная // Наш современник, № 2, 1995.

16. Мэсси Р. Николай и Александра. М.: Захаров, 2003.

17. Непомнящий Н. Притяжение Арарата // Вокруг Света, № 3, 1999.

18. Нилус С. Великое в малом. СПб.: Православный паломник, 1996.

19. Нилус С. На берегу Божией реки (из дневников 1909 г.). М.: Издание Сретенского монастыря, 2003.

20. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.

21. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.

22. Платонов О. А. Жизнь за царя. СПб.: Воскресенье, 1996.

23. Предсказатель монах Авель // Русская старина, 1875, Т. 1, № 1–4: там же его собственные записки «Житие и страдание отца и монаха Авеля».

24. Прорицатель Авель. Новые подлинные сведения о его судьбе: Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василье Васильеве, находящемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, а потом названного Авелем, и о сочиненной им книге на 67 листах. Начато марта 17-го 1796 г. // Русский архив, 1878, Кн. 2.

25. Радзинский Э. Николай II. Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2003.

26. Радзинский Э. Распутин. М.: Вагриус, 2003.

27. Романов Б. С. Мистические ритмы истории России. СПб.: БХВ-Петербург, 2011.

28. Росковицкий В. Ноев ковчег найден русскими // Наука и религия, № 1, 1994.

29. Россия перед Вторым пришествием (составитель С. Фомин). Издание Свято-Троицкой Лавры, 1993.

30. Росциус Ю. Синдром Кассандры. М.: Знание, 1996.

31. Святый Преподобный Серафимъ, Саровскій Чудотворець. Изд. Русскаго Св. Андреевского Скита на Афоне, 1903. (Репринт Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1990.)

32. Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М.: Советский писатель, 1991.

33. Стахович М. А. Верить ли Ватикану. Издание Сретенского монастыря. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997.

34. Труайя А. Распутин: Пер. с фр. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

35. Урусова Н. В. Письмо Е. Ю. Концевич (публикация П. В. Урусовой) // Русскій паломникъ (журнал Валаамского общества Америки), № 2, 1990.

36. Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.

37. Фатима. Брюссель: Жизнь с Богом, 1991.

38. Феличи Иличио. Знамение свыше. Рассказ о Фатиме. Варшава: Ksiezi Marianow, 1992.

39. Форсайт Ф. Икона. М.: АСТ, 1998.

40. Юнг К.-Г. Ответ Иову. М.: Канон, 1995.

41. Я чувствую глубокую привязанность к вашей стране // Независимая газета, 18 марта 2002. (Интервью с принцем Майклом Кентским.)